

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ч-64

Серия основана в 2011 году
Выпуск 466

Художник
О. Бабкин

Чиркова В. А.

Ч-64 Ведунья против князя: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 281 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2931-8

Многие путают старинное знание ведовства с прочими способностями. С чародейством, ведьмачеством, травознанием и даже целительством. Эти ошибки, разумеется, смешат настоящих ведуний, но они не собираются открывать истинный смысл этого понятия и никому и никогда не будут объяснять, в чем состоит различие между ним и прочими талантами. Оставляя всем любопытным их грубейшее заблуждение ради сохранности тайны своих особых умений.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Чиркова В. А., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2931-8

*Семнадцатое сеноставня
Приграничный городок Заленс*

Дилли

— Ой, Дилли... кажется, к тебе гость...

В растерянном голосе Соны, белошвейки из соседнего салона, отчетливо слышались изумление и зависть. Едкая, зеленая и древняя как мир женская зависть к подружке, которой внезапно сказочно повезло.

— Семнадцать, восемнадцать... — Дилли невозмутимо досчитала до двадцати, аккуратно ссыпала пилюли в коробочку, запечатала, наклеила руководство и подала сверточек Соне:

— С вас десять серебрушек.

И лишь получив монеты и заперев кассу, перевела взор на следующего клиента. Вернее, на огромный сноп полевых цветов, над которым наливалось жаркой обидой круглое, губастое и носастое лицо колбасника.

— Добрый день, господин Шульц. У вас праздник? — Ее кроткий голосок звучал по обыкновению мягко и приветливо, и это подействовало на хозяина колбасной лавки как большая кружка холодной мятной настойки.

— Это у вас праздник, дорогая Дилли, — объявил он, высокомерно задрав нос. — Я решил сделать вам предложение. Не благодарите, я не глуп и сам прекрасно понимаю, как вы счастливы. У меня вам не придется столько работать, и ваше доброе имя будет надежно защищено. Я, конечно, отлично знаю, что у вас нет ни приданого, ни фамильных украшений, и не собираюсь вас за это упрекать. Зато вы скромная и приветливая девушка, и вполне достаточно, если будете помогать за прилавком. Не каждый день, разумеется, только в празд-

ничные. У меня большой дом, и его нужно содержать в чистоте.

— Благодарю вас за доверие, — проникновенно произнесла Дилли и поднесла к глазам белоснежный платочек. — Я так тронута. Сколько времени у меня есть на раздумья?

— Да чего ж тут думать?! — искренне изумился колбасник. — Запирай свою лавчонку, и идем в храм! Жрец Парвентий весьма уважает копченые гусиные колбаски, прихвачу корзинку — и он сразу проведет для нас обряд единения. Через три дня ярмарка, как раз успеешь вникнуть в дела.

— Простите, уважаемый господин Шульц! — В голосе то-ненькой, какой-то бесцветно-бледной девицы неопределенного возраста звенели оскорбленное достоинство и обида. — Но вы не подумали, что скажут обо мне люди! О нас! Если я сейчас бегом побегу с вами в храм, как нашкодившая дебютантка! Та же ваша соседка, булочница Онесса! И белошвейка Сона, которая вас тут видела! Нет уж. Оставляйте ваш букет и гордо идите домой, сообщая всем, что я как разумная девушка попросила два дня на раздумья.

— Но Дилли! — взревел Шульц, уже распределивший на ярмарочные дни задания для всех своих работников, и молодая, аккуратная жена очень удачно вписалась в его планы.

— Ни слова больше! — остановил его гневный взгляд невесты. — Если кто-то скажет, что этого много, поясните, что изначально я просила пятицу, но вы же умеете уговаривать? К тому же я не собираюсь идти в храм в старом платье. И не волнуйтесь, новое я куплю за свои, некрасиво тратить деньги жениха, пока не проведен обряд.

— Ну да, — пробормотал колбасник, сраженный здравомыслием Дилли, втиснул ей в руки свой веник и, важно задрав голову, отправился восвояси.

— Проклятье... — шипела Дилли, разбирая пучок цветов на букетики и выставляя их на подоконнике. — И принесла же его нелегкая, вот приспичило! А я ведь так надеялась пережить тут зиму! Придется менять планы...

Это было не так-то просто, хотя она всегда заранее готовила пути отступления. Ну или побега, если честно. Дилли сразу знала, что поживет на новом месте годик-полтора и помчится дальше, как улетающий от зимы яркий листок. Зато не было ни слез, ни боли, ни особого разочарования, хотя от жизни в этом маленьком приграничном городке Дилли втайне ждала намного большего.

И ничего тут не поделывать, девушки всегда живут надеждами, независимо от того, как они выглядят и какие секреты прячут в рукаве. И ведунья тоже была не против замужества, пусть бы жених и не вызывал пресловутой дрожи в коленях.

Ну хотя бы не был противен до глубины души, не пах чесноком и застаревшим свиным салом и не ковырял в ухе толстым волосатым пальцем! Но раз уж так случилось, нужно воспользоваться вырванной у колбасника форой и запутать следы как можно надежнее.

Лавку Дилли закрыла пораньше и шла в снятую комнатушку с пышным букетом в одной руке и неизменной сумкой — в другой. Волнуя знакомых горожан загадочно-мечтательным видом и рассеянной улыбкой, абсолютно не замечая понимающих и заинтересованных взглядов. Пусть думают, будто она их не видит и не ведает, кто просто завидует, а кто еще и злорадствует, доподлинно зная, как несладко придется молодой жене в зажиточном доме.

Дома она прежде всего вытащила изо всех карманов и искусно сплетенного из ромашек туюска, который даже вблизи трудно было отличить от простого букета, все свои самые ценные пилюли и мази, а также провизорский инструмент и весы.

Сначала наскоро перекусила, затем быстро переделась и умело сложила свой багаж. Только самые новые и ценные вещи, остальное раскладывая так, чтобы ни у кого не осталось сомнений, что хозяйка ушла ненадолго и скоро вернется.

И на минуту замерла в задумчивости. Теперь предстояло самое трудное: забрать свое имущество так, чтобы никто ничего не заподозрил раньше времени. Разумеется, вынести не-

заметно пару сундуков и саквояж не удастся никому, но разве обязательно тащить их с собой?

Девушка покосилась на потемневшие от времени, сильно потертые, но крепкие еще сундучки и сокрушенно вздохнула, признавая неизбежность их потери. Зато можно будет сложить в них все то, что она изначально брать не собиралась. Разумеется, кроме особого невзрачного, бесформенного, поношенного платья, скрывающего любую женщину от мужских взоров надежнее самого сильного наговора. Хотя ей отвод глаз без надобности: ведуньи обходятся своими силами, к тому же магические вещички и зелья очень дороги.

Черкнув записку хозяину постоянного двора, Дилли отправилась с хозяйским сынишкой и принялась переупаковывать багаж. Вскоре заполненные старьем сундучки заняли свое место, а перед дверью появились два тючка, в которых любой мог без труда опознать свернутые валиком пуховую подушку и одеяло. И только Дилли было известно, что это лишь выцветшие верхние чехлы, набитые ее теплой одеждой. Где-то в серединке, надежно замотанные, прятались обувь и ценные вещицы, а все остальное уместилось в саквояже.

Громоздкий подсвечник, купленный из-за высоты подставки, пришлось оставить. Зато, оглядев в последний раз комнату, в которой прожила с прошлой осени, Дилли с удовольствием признала, что даже сама не заподозрила бы, что временная хозяйка собирается покинуть ее навсегда.

— Дилли! — постучав, заглянула в дверь хозяйка дома, слегка увядшая дама в домашнем капоте и папильотках. — Там прибыл Джис на коляске, ты куда-то едешь?

— Да, дорогая госпожа Лота, моя жизнь резко изменилась, — с искренней печалью сообщила Дилли. — Господин Шульт сделал мне предложение. Я взяла на раздумье два дня, но на самом деле намерена согласиться. Вы же понимаете, что это очень достойная партия?

— Несомненно, — убежденно кивнула Лота, и сама мечтавшая заполучить в полное распоряжение кладовые колбасника. — Но у меня нет денег вернуть за квартиру...

— Пусть это будет оплатой за вашу доброту, — вздохнула Дилли, страстно мечтая поскорее уйти. — Присмотрите, чтобы никто сюда не входил, пока не вернусь. Мне нужно купить платье для свадьбы и заодно отдать поменять наперники, сама я не рискну этим заниматься, весь дом будет в пуху.

— Какое разумное решение, — с энтузиазмом подтвердила Лота, пропуская выходящую постоялицу, легко несущую в одной руке тюк с якобы подушкой, а в другой — саквояж и скрученное одеяло. — А лавку ты так и будешь арендовать?

— Пока не решила, — с сомнением призналась ведунья, забрасывая на сиденье тюки, и устроилась рядом, с удобством на них облокотившись. — Жених считает, что мне проще будет иногда помогать ему в делах.

— Ну да, — согласилась хозяйка и, проводив взором резво рванувшую вперед повозку, саркастически добавила: — Так-то жадному коротышке в разы выгоднее.

Двадцатое сеноставня

Брагод, столица свободного княжества Онзирского

Гард

— Лорд Тровенг, — дежурный охранник учтиво склонил голову перед идущим мимо тайным советником князя, по совместительству начальником тайного сыска, — вам принесли срочную почту.

— Спасибо, — легко взбегая по лестнице, отозвался высокий мужчина из тех, о ком говорят «ладно скроен и крепко сшит».

Особое, экстренное письмо он рассмотрел с порога: узкий конверт с алой полосой не лежал вместе с остальными посланиями на подносе, а был воткнут в подставку для бумаг, так, чтобы не заметить его не смог и самый рассеянный человек. А Тровенг таковым никогда не был, наоборот, отличался внимательностью, быстротой суждений и нестандартностью решений.

Сбросив на спинку стула легкую форменную накидку, Гардант аккуратно разрезал конверт и достал лист бумаги.

Всего несколько строк: «Гард, ты просил оповестить, если у нас будут сведения о женщинах с именем, входящим в твой список. Не знаю, заинтересует ли тебя заявление колбасника Шульта из Заленса о пропаже восемнадцатого сеноставня его невесты, аптекарки Дилли, худощавой невзрачной девицы примерно двадцати шести — тридцати лет. Преданный тебе Саберт».

— Уже три дня, — сунув письмо в карман, сердито фыркнул лорд и дернул шнур звонка. — Этот жених не очень-то торопился ее искать.

— Лорд Тровенг? — Юнтас, секретарь, всегда подтянутый и щеголеватый, как княжеский гвардеец, мгновенно возник на пороге ведущей в канцелярию двери.

— Вызови немедленно крылет и Ланса, я улетаю в Заленс, — скомандовал начальник, подхватил накидку и направился в личную комнату, где стояла кровать и хранилось несколько мужских костюмов разной стоимости и степени изношенности.

На этот раз он надел простую форму, застегнул на торсе пояс с оружием и инструментом дознавателя. Прихватил длинную теплую куртку, перчатки и шлем с очками и забросил за плечо походную сумку. В ней было все нужное на случай, если полет не удастся и придется добираться до жилья своими ножками. Такое случалось хотя и очень редко, но судьбу лучше не дразнить.

Через несколько минут появился Ланс, одетый точно так же и с такой же сумкой, но на крышу здания они поднялись лишь после того, как получили известие, что крылет уже прибыл.

Удерживаемая замком, легкая лодка чуть покачивалась в причальных сетях у вершины слегка наклонной гладкой площадки. Карлик-погонщик обходил кархов, оделяя кусками мяса, политыми придающим силу и послушание зельем. Мощные птицы не любили своих сородичей и без этой предосторожности рвались бы в разные стороны. Устроившись полулежа в похожей на плоское корыто кабинке крылета,

мужчины натянули шлемы, опустили очки и до глаз надвинули меховой полог. Наверху было холодно и сильно продувало.

Вскоре погонщик вернулся, устроился в узкой крохотной передней кабине и щелкнул рычагом, отцепляя замок. Затем раздалась резкая команда, и первая из шести пар птиц ринулась вперед, к краю крыши. Это были самые неприятные для пассажиров секунды: казалось, будто голенастые кархи не сумеют раскрыть тяжелые на вид волочащиеся крылья, не смогут подняться в небо и вместе с люлькой покатаются вниз по балконам и террасам.

Но, как обычно, все обошлось. Срываясь с твердой поверхности, отлично выдрессированные летуны мощными взмахами огромных крыльев моментально поднимали себя вверх и занимали свои места в сложной связке. Едва вся стая оказалась в воздухе, а люлька закачалась под ними, погонщик умело развернул крылет на восток, и тот, все набирая высоту, плавно устремился к Заленсу.

За несколько часов, пока они летели до стоящего на торговых путях Зарта, среднего, по меркам княжества, городка, начальник тайного сыска успел выспаться, проголодаться и промерзнуть. Не спасали ни меховой полог, ни теплая одежда, ни прижавшийся сбоку маг.

— У меня есть фляжка... — часа за два до прилета предложил Ланс, и до Тровенга донесся запах рома.

Хорошего, выдержанного и мягкого, какой варили только травники из Метносы. Гард сделал пару глотков и вскоре ощутил, как по занемевшим пальцам ног прокатилась теплая волна.

— Наговоренный?

— Разумеется, — буркнул Ланс и осторожно осведомился: — А с чего это мы мчимся отыскивать чужую невесту, словно нам своих не хватает?

— Шутник, — хмыкнул Тровенг. — Откуда у тебя невеста?

Близкими друзьями они не были, не так-то просто подружиться с главным сыскарем его светлости князя Сайморса Онзирского. Но по делам встречались частенько, приходилось, как и в этот раз, работать в паре. И потому каждый многое знал о сильных и слабых сторонах напарника, о предпочтениях в еде и быту и, разумеется, о личной жизни.

— У меня их четыре, — ничуть не хвастаясь, заявил Ланс и невесело усмехнулся: — Осталось дожидаться, пока хоть парочка отсеется.

— А последние две? — лениво спросил главный сыскар, уже догадываясь, какой получит ответ.

— Предложу тройной союз. Меня часто не бывает дома, им будет не скучно.

— Заботливый... А не боишься, что объединятся?

— Этого нужно бояться только тому, — убежденно сообщил Ланс, — кто выбирает женщин наглых, вздорных, капризных и непредсказуемых. Лично я таких терпеть не могу. Все мои невесты тихие, покладистые, добрые, не ревнивые... Жаль, нельзя жениться на всех сразу.

— Очень правильный запрет, — буркнул сыскар через полчаса, когда маг уже считал, что начальник забыл и о нем, и о его женщинах. — Иначе у таких прохиндеев, как ты, будут целые гаремы, а остальным не достанется и по одной жене.

И непонятно было, шутил он или прорвалось наружу нечаянное откровение. К тому же Ланс не зря работал на тайный сыск, где все были в курсе чужих секретов и знали о том, куда иногда ездит с приватными визитами их шеф.

В Зарт они попали поздно ночью. Ориентируясь лишь по памяти птиц, знавших в этом направлении все посадочные площадки, опустились на крышу самой большой гостиницы.

И едва люлька крылета закачалась в причальной сети, отстегнутая от ринувшихся к кормушкам и поилкам кархов, к прибывшим устремились услужливые ловкие горничные. Путешествие на крылетах было очень дорогим удовольствием, доступным лишь избранным, и слуги отлично это знали.

Приказав доставить ужин в номер и заказать крылет на утро, Тровенг отправился умываться. А когда вышел из ванной комнаты, обнаружил накрытый стол, бутылку темного вишневого ликера и миленькую служаночку в кокетливой крахмальной наkolке.

— Уберешь утром, — холодно глянув на нее, бросил лорд на уголок стола серебряную монетку. — И передай хозяину: он лишится лицензии, если ночью возле моей двери будут петь, скрестись или вздыхать. Иди.

Горничная обиженно поджала губки — жирная добыча, которую она уже считала своей, уплывала прямо из рук, и судя по колючему, неприязненному взгляду непроницаемо черных глаз, вернуть ее не было никакого шанса.

Сыскарь запер за ней дверь и сел ужинать. Открывать вино он и не подумал, пробовать соусы и десерты — тоже. Быстро сжевал свежепожаренное мясо с ломтем хлеба, запил бокалом воды, куда бросил особую пилюлю. Такие готовил для него Эрбиус, алхимик князя, уверявший, что она защитит от любого приворота, наговора и яда.

Хотя до недавнего времени Гард втайне считал, что не только во всем их княжестве, но и в соседних странах не найдется ни одного сумасшедшего, способного поднять руку на его жизнь или честь. Но после того как на подобное решилась сумасбродная леди Николла, в его убежденности была пробита сокрушительная брешь.

Утро для кархов наступало, едва небо на востоке начинало сереть. Они были не ночными птицами, а именно утренними, и могли выслеживать своих жертв даже в легком тумане. Чаще всего кархи кормились возле деревень и поместий, и бредущие на выпас овцы, еще сонные куры и гуси были их излюбленной дичью. При случае взрослый карх легко уносил за десятки миль в свое гнездо даже месячного теленка.

И потому рассвет считался лучшим часом для начала перелета.

Гард стоял на крыше, жуя толстый ломоть сыра, лично взятый на кухне из большой миски. Заспанное лицо спутника было бледноватым, но за мага начальник сыска не беспокоился. Тот никогда не забывал повесить себе на грудь целую гроздь различных амулетов.

— Ланс, — едва они устроились в крылете и погонщик отправился раздавать мясо, тихо проговорил он тем самым тоном, который заставлял его подчиненных вытягиваться в струнку, — твое дело — найти что-то необычное. Не знаю, что именно, но если вдруг обнаружишь — не подавай виду. Не хмыкай, не дергай бровью и не свисти. Доложишь мне только в тот момент, когда мы будем вдвоем.

— Ого, — присвистнул напарник.

— Так делать тоже не нужно. И имя придумай другое. И мне заодно.

— Тогда ты будешь Франом.

— Почему?

— Пса я так зову, точно не забуду. А я — просто Том. Амулет личины дать или есть?

— Есть, — хмыкнул его начальник и больше не разговаривал до самого Заленса.

*Двадцать первое сеноставня
Приграничный городок Заленс*

Гард

На крыше ратуши, куда доставил сыскаррей крылет, их встречала целая делегация во главе с мэром. Здесь был и командир городской стражи, и судья, и даже глава местной знати, лорд Трилбенз.

Он и начал осторожную беседу, когда столичные гости неохотно представились:

— Меня зовут Том. А мой спутник — Фран.

— Не сочтите за наглость, — сиял радушием лорд, — но наша гостиница несколько... простовата для таких важных гостей. Позвольте пригласить вас остановиться в моем доме?

Спальни уже готовы, обед тоже, слуги у меня вежливые и ловкие...

— Где жила невеста господина Шульта? — Без разрешения начальника Ланс предпочел не отвечать на это приглашение, а Гард упорно молчал.

— Понятно, — стараясь не показать досады, натянуто улыбнулся лорд Трилбенз. — Про невест колбасников вам лучше всех поведает наш доблестный мэр. Позвольте откланяться? Но если надумаете — мой дом для вас открыт.

— Аптекарка Дилли снимала комнату у госпожи Лоты, хозяйки небольшого прибыльного дома, — провожая столичных гостей к лестнице, деловито пояснял еще бодрый, но уже обремененный заметным животиком командир стражников. — Она лучше всех изучила эту девицу. Но все жители отзываются о ней лестно. Спокойна, вежлива, рассудительна и аккуратна. Я и сам покупал у нее пилюли — могу подтвердить. Да и господин Шульт в нашем городке жених завидный, несмотря на возраст и внешность. И выбор у него был, однако предложение он сделал Дилли. Все говорят, она была рада, шла домой как на крыльях. Дома сразу вызвала коляску и отправилась в Холмор за платьем...

— Так где она пропала? — перебил стражника Гард, начиная подозревать, что они зря летели лишних два часа.

— В Холморе и пропала. Коляску отпустила у постоянного дома, обещав вернуться на другой день, с оказией. Но так и не вернулась. Вы не желаете перекусить с дороги?

— Веди нас к госпоже Лоте. А по пути покажи лавку. Помещение она купила или снимала?

— Снимала. У Лоты же, — торопливо пояснял стражник, открывая перед ними двери на улицу. — Там все осталось как было, мы смотрели.

— Протокол дайте, — потребовал Ланс.

— А... Сейчас отправлю человека, он принесет. Но, возможно, они сделали беглый осмотр... без оформления... — Командир стражи стремительно серел. — Раз еще нет тела, мы имеем право...

— Принесите указ, подтверждающий это право. — Маг не хуже самого Гарда знал все правила и законы проведения досмотров.

— В присутствии родственников... — хватался за призрачное оправдание стражник, — там был жених.

— Ритуал обручения был подтвержден договором? — Ланс терпеть не мог подобного неряшества подчиненных, доставлявшего ему самому море лишней работы.

— Как будто... — Командир стражи понимал, что топит сам себя, но остановиться и признаться, что упорно лжет начальству, уже не мог.

Простые имена гостей его не обманули, как и ничем не примечательные лица. Не бывает таких у тех, кто прилетает из столицы на срочном крылете.

— Вызовите его в лавку, — скомандовал Ланс, но почувствовал, как его резко дернули за куртку. — Впрочем, пока не нужно. Так где эта аптека?

— Вот... — указывая на крохотную, не больше двух шагов в ширину, лавчонку, угрюмо пробормотал командир стражи, заранее прощаясь с должностью.

Позавчера шел дождь, и все приходившие в аптеку оставили на единственной ступени, обычно чистенькой, как стол, грязные отпечатки.

— Оцепить подходы сетью, опечатать двери и окна ваши люди тоже не додумались? Или и на это был указ? — начал понемногу звереть маг.

— Просто никто не верил... — сломался наконец стражник, — что она пропала. Такая разумная и ловкая девица... думали, вот вернется...

— И приготовили подарочек, — съязвил Ланс. — Стащили в ее лавку всю окрестную грязь.

За пять минут, пока ожидали появления старшего стражника, исполнявшего обязанности дознавателя и потому забравшего ключ от аптеки, гости успели осмотреться и сделать собственные выводы.

Городок был точно таким же, как десятки подобных ему. Единственная площадь, на которой в центре высохшего фонтана высилась невразумительная статуя, была окружена лавками, салонами и закусочными. В самом центре располагался небольшой крытый рынок, и Гард, сделав напарнику знак, направился туда. Есть хотелось все сильнее, но идти в гости к людям, которых они сегодня, возможно, лишат всего достигнутого в жизни, было по меньшей мере неосмотрительно.

За прилавками стояло с десятков торговых, но ничего из товаров, привычных взору столичного жителя, перед ними не нашлось. Ни горячих пирогов, ни жареных цыплят, ни малосольной рыбы. Только сырые яйца и мясо, овощи и первые яблоки. Да малина в туюсах. Лишь чуть подальше, под вывеской «Колбасы Шульта», стоял лоснящийся довольством статный торговец.

— Это ты — Шульт? — спросил у него сыщик с самым простодушным видом.

— Я приказчик, — важно объявил тот и сунул в рот розовый ломтик ветчины.

— Вкусно? — с неподдельным интересом смотрел на него странный незнакомец.

— Да, — почему-то заволновался торговец.

— Покажи.

— Что?

— Кусок покажи, от которого отрезал.

— В-вот... — Приказчик приоткрыл пропитанную солью тряпицу.

— Взвесь.

— Сколько?

— Весь.

— Эт-то дорогое...

— Ну да. Ты же не дурак, самое дешевое жевать. Взвешивай, не волнуйся.

Через минуту Гард выходил из широко распахнутых ворот рынка с корзинкой, в которой лежало восемь фунтов ветчины, два десятка яиц и пяток сочных молодых луковиц. Ка-

равай хлеба он купил в замеченной по пути булочной и оказался возле дверей аптеки как раз в тот момент, когда туда подбежал запыхавшийся дознаватель.

— Можно открывать, ваша светлость, — попытался он польстить гостям, но они не обратили на это никакого внимания.

Оба давно подсчитали, что сразу вылететь в Холмор им никак не удастся, птицы должны отдохнуть хотя бы два, а лучше три часа. И потому никуда пока не спешили.

— Нельзя, — коротко отказал Гард. — Нет сетей, понятых, писаря и бумаги.

Стражники помрачнели, но спорить не решились, отправили посыльного за всем перечисленным, не забыв на этот раз добавить в список лупу, зелья и все прочие мелочи, необходимые для официального осмотра места происшествия.

*Восемнадцатое сеноставня
Холмор, уездный город*

Дилли

Утро еще не наступило, а Дилли уже была на ногах.

С вечера, расставшись с возницей возле крыльца самой невзрачной гостиницы, она успела переделать кучу дел. Сначала, осведомившись у хозяйки о цене комнатки, минут пять изображала сомнения и душевные муки, затем, убедившись, что повозки и след простыл, спокойно покинула гостиницу.

В ближайшей лавчонке Дилли купила слегка поношенную, но вполне еще пристойную шелковую летнюю накидку и неброский, но тоже не самый дешевый баул. И в первой же подворотне, пользуясь быстро сгущающимися сумерками, засунула в него свои тюки и саквояж. А затем, проведя по лицу ладонями, минуту постояла, привыкая к ощущениям, и, выйдя на дорогу, смело остановила первого попавшегося извозчика.

— Приличную гостиницу, милок, и не слишком далеко от центра.

Уже через четверть часа, умывшись и перекусив прихваченными в дорогу бутербродами, она сладко спала в снятой на ночь комнатке с видом на главную улицу города.

План, как поступить и куда отправиться, был спокойно обдуман ею за те четыре с половиной часа, что они добирались до Холмора. И это при том, что за скорость она доплатила и кучер всю дорогу гнал лошадей.

Внизу было непривычно тихо и пустынно, лишь швейцар дремал в кресле у входа. Вполглаза проследив, как немолодая и явно небогатая постоялица сдает ключ, поднялся и распахнул перед ней двери.

— Извозчики налево, за углом, — сообщил учтиво, даже не надеясь на награду, но получил мелкую серебряную монетку.

И сел на место, так и не узнав, что дама, шагнувшая с освещенного фонарем крыльца в предрассветную дымку, свернула не влево, а вправо.

Уверенно забросила на плечи баул и быстро направилась по узкому переулку в сторону стоянки дилижансов. Расписание она прочла еще с вечера, выкупая номер.

Подходя к небольшой площади, ярче других освещенной фонарями и оживленной почти как днем, Дилли сняла багаж с плеча и повесила за спину, как делали многие женщины, не способные нанять носильщика. У ведуньи деньги были, в последние месяцы удалось скопить, но носильщика она не брала по другой причине. Не хотелось, чтобы хоть кто-то ее запомнил.

Дилижансы стояли под вывесками, и к каждому уже выстроилась очередь. Куда-то больше, куда-то меньше. На Мшарье было всего несколько человек, и это стало для Дилли самой неприятной неожиданностью за последние месяцы.

Но она даже не вздрогнула и не передумала. По-прежнему размеренно добрела до потрепанного ветрами и временем громоздкого экипажа и остановилась в конце жидкой

цепочки, с явным наслаждением опустив на скамейку свой баул.

Возле соседних дилижансов шустрые помощники кучеров уже собирали деньги и пристраивали в багажные ящики и на крышу сундуки, мешки и баулы, а здесь пока было тихо. И лишь когда в очереди собралось более десятка желающих ехать на этом дилижансе, из него вылез сумрачный парень лет двадцати, окинул путников оценивающим взглядом и объявил:

— Предупреждаем, в доме «У родника» теперь никто не живет. Уже с зимы. Можете поехать убедиться своими глазами, но запомните — к нам потом никаких обид. И бесплатно обратно никого не повезем. Кто решит ехать, распишитесь, чтобы потом не было спора.

— А куда же они делись? — возмутилась стоящая впереди дама в дешевой шляпке с темной вуалью.

— Никто не знает. Вроде в гости поехали... и не вернулись. — В голосе парня помимо воли прозвучала тоска, но он сразу спохватился, прикрикнул бодро: — Ну, кто едет?

— Но родник хоть остался? — задумчиво осведомился молодой господин, судя по выправке — военный.

— Да, — сухо бросил парень, — но в дом не пускают. Сторож там живет, староста указ получил.

— Я не поеду, — вздохнув, отступила в сторону молодая женщина с потухшим взором. — Чего бесполезно кататься?

Дилли сейчас тоже следовало бы повернуться и уйти, не рисковать и не совать голову в возможную ловушку. Но тлела в душе безумная надежда на оставленный для нее знак или хоть крохотную подсказку, где его искать. Она недрогнувшей рукой написала на листке: «Лиана», — и поставила незамысловатую подпись.

Парень взял двадцать серебрушек, загрузил багаж, выдал ей медный номерок и сообщил, что отправление через полчаса, желающие могут позавтракать и умыться в харчевне напротив. Остановка будет только через три часа.

Девятнадцатое сеноставня
Небольшой поселок Мшарье

Дилли

В затерявшийся среди холмов маленький городишко дилижанс прибыл только на следующий день, ближе к вечеру. Почти за двое суток пассажиры успели перезнакомиться и определиться с симпатиями, но Дилли в эту игру давно не играла. Точно зная: выпытав чужие тайны и вывалив на голову новой подруги все собственные беды, спутники обменяются адресами и наказами писать и приезжать, но, едва расставшись, никогда уже друг о друге не вспомнят.

Поэтому большую часть пути она делала вид, будто спит или мучается мигренью. А выйдя из дилижанса и получив свой баул, не пошла вместе со всеми к новенькой гостинице, а направилась вниз по улице, к неказистому трактиру, где сдавали на ночь комнатухи в мансарде.

Разумеется, намного дешевле, чем в просторном двухэтажном здании гостиницы, воздвигнутой благодаря славе дома «У родника», однако сейчас для Дилли главным были вовсе не деньги. В трактире вечерами собирались старожилы, и можно было узнать не только последние новости, но и обо всех событиях, произошедших в поселке за последние двести лет. Народная память старательно хранила все мало-мальски интересные происшествия, хотя и добавляла им со временем сочности и несуществующих подробностей.

В этот час народу в зале было еще маловато, и Дилли, сняв комнату и переодевшись, отправилась размять ноги. Разумеется, они сами принесли ее к знакомой калиточке. Такой невысокой и хлипкой, что сразу становилось ясно: либо у хозяев просторного приземистого дома нет ничего ценного, либо они не боятся никаких воров. И все в поселке были убеждены в верности первого предположения, и только Дилли и ее сородичи знали, что второе намного точнее.

Пройти за ограду никто не помешал, и девушка, выглядевшая сейчас вдвое старше собственных ровесниц, неторопливо побрела к роднику, попутно оглядывая все, до чего смогла дотянуться цепким, все запоминающим взором.

Деревья и кусты целы, кем-то ухожены и политы, дорожки старательно расчищены и посыпаны песочком — вроде мелочь, но очень выразительная. С одной стороны, было похоже на ловушку, приготовленную для сбежавших хозяек дома кем-то, кто считал их способными клянуть на безмятежный покой, властвующий в их владениях. А с другой — на извинение, предложение мира и, возможно, помощи.

Однако бывшей аптекарке было доподлинно известно, что прежние обитатели дома ничему не поверят и никогда не вернуться. Так как рискуют не просто своей свободой или жизнью, а будущим детей. Но сообщать об этом Дилли никому не собиралась.

Она медленно шла по центральной аллее, полого спускаясь в лощинку, и вскоре добралась до замшелого валуна, из-под которого выбивался крохотный родничок. Булькал в выдолбленной давным-давно гранитной чаше, перетекал через позеленевший край и вскоре терялся в сырой траве.

Здесь тоже видны были следы чьих-то заботливых рук: чаша отмыта, вокруг валуна подметено, а скамеечка для немощных посетителей прикрыта от дождя и солнца новеньким навесиком.

Дилли невесело усмехнулась: пока тут жили те, кто стал ей семьей, почему-то никто не считал нужным помочь почистить дорожки или соорудить навес. Хотя поселок неплохо кормился на приезжающих к роднику страждущих.

Точнее, ехали-то они к ведуньям, но вслух этого и тогда не говорили, и сейчас лучше не поминать. Заслышав приглушенные шаги, Дилли достала из кармана плоскую фляжку и склонилась над чашей, набирая стекающую воду.

— Она обычная, — ненавязчиво предупредил подошедший от дома мужчина.

— Спасибо, мне это известно, — не поворачиваясь, спокойно отозвалась Дилли.

— Тогда зачем? В гостинице вода ничуть не хуже.

— В память о тех, кто тут жил, — пояснила она и бросила в чашу серебряную монетку. — Не убирай деньги. И если другие захотят, пусть кладут. Только не медные.

— Откуда вы знаете? — сразу насторожился собеседник.

— Они сказали. — Девушка подняла голову и указала взглядом на дом. — Я здесь уже бывала.

— И помогло? — В голосе сторожа, теперь Дилли в этом не сомневалась, звучала едва заметная усмешка.

— Да, — твердо кивнула она и перевела разговор на другое: — А пройти по дому не разрешается? Раз хозяева его бросили.

— Ну если вы расскажете, как вам помогла эта вода... — делано засомневался он.

— Когда я сказала, что помогла вода? Тем более мне? — Дилли с истинным изумлением широко открыла глаза.

Вот теперь ей стало ясно, что никакой он не сторож, хотя именно так и считают все вокруг. Это сыщик. И не важно чей: княжеский, ковена магов или гильдии целителей. А может, даже и из соседних стран — бродячие сказители и комедьянты зубы съели на байках о всевозможных чудесах. Так ведь иначе бы их никто и не слушал.

— Как... — начал он, запнулся и с досадой сжал губы, сообразив, что с головой выдал себя своими поспешными выводами. — Ну хорошо, в виде исключения открою вам дом.

— А разве вы живете не там? — Теперь нужно было его успокоить и показать, как мало она придала значения его занятию.

— В домике для гостей... мне хватает места. — Мужчина пошел впереди, указывая дорогу.

Хотя Дилли и сама могла бы показать ему, где и что тут располагается, и ни грана не сомневалась, что некоторые сюрпризы очень удивили бы опытного сыскаря.

Двадцать первое сеноставня
Приграничный городок Заленс

Гард

Растягивая сети и устанавливая стол для писаря, стражники искоса поглядывали на странных гостей, отказавшихся от роскошного обеда в особняке лорда Трилбенза. И вместо устриц в белом вине и фаршированных рябчиков едят теперь ветчину с хлебом и луком, запивая простым квасом, купленным у случайно проходившего разносчика.

Да к тому же переговариваются на непонятном языке.

— Что будешь делать с командиром стражи? — буркнул маг на древнелерейском, который тайный сыск использовал как раз в подобных случаях.

Достал из корзинки яйцо, подержал пару секунд в кулаке и обжигающе-горячее бросил в корзинку. Везти с собой на крыльце сырые яйца — очень скверная затея.

— Вкачу выговор, — вздохнул Гард. — Некого пока сюда послать. Но проверю через пару декад, как он понял мою доброту.

Протянул руку, взял еще ломоть тающей во рту ветчины и снова вздохнул. Сейчас лучше бы поспать в мягкой кровати, ведь ясно, что после визита этих дуболомов чистоты картины можно не ждать.

— Ваша светлость, — прибежал стражник, — все готово! Можем открывать?

— Ну идем, посмотрим, что там у вас готово. — Ланс нехотя вытер льняной салфеткой руки и встал со скамьи.

Неторопливо подошел к сети, достал из походной сумки амулет с записывающим кристаллом и, повесив на шею, начал невозмутимо диктовать:

— Перед нами аптекарская лавка. Подходы загорожены сетью, стоят предупреждающие знаки. Вывеска обычная, никаких нарушений не заметно. Крыльцо густо заляпано грязью, отчетливо видны следы мужских сапог. По свидетельству мэрии, дождь прошел здесь девятнадцатого сеноставня,

а аптекарка Дилли выехала из города семнадцатого сеноставня через три часа после обеда. Письменную версию, кто за это время мог проникнуть за сетку, предоставит командир городской стражи. Дверь не опломбирована, заперта на висячий замок типа Ам-20. Ключ хранился у штатного дознавателя... — Ланс оглянулся на помрачневшего мужчину средних лет и ощутил укол жалости, но тут же убил в себе это вредное чувство.

Если сейчас не припугнуть их как следует, они и в другой раз, когда случится настоящее преступление, поступят как самые последние разгильдяи.

К тому моменту как маг закончил осмотр, стражники напоминали толпу каторжников перед казнью. Высокий гость не упустил ни одного промаха, перечислил все. И рассыпанные пилюли, и вонь зелий из плохо закрученных флагов. И в конце, сделав вывод, что невозможно без хозяйки лавки определить, сколько и каких лекарств было похищено злоумышленниками в воинских сапогах, заставил дознавателя при нем запереть дверь и опечатав замок собственной печатью.

А потом кивнул спокойно следившему за ним напарнику и направился в дом госпожи Лоты, проверить жилье пропавшей невесты.

Гард шел рядом, бросив на скамье ненужную корзину. Остатки еды он ловко поделит пополам и свою долю упаковал в сумку. Ланс молча проделал то же самое, хранить в пути продукты в одном месте их еще в зеленой юности отучили наставники. Хотя у каждого они были свои.

Начальник тайного сыска обладал очень незначительными магическими способностями, и потому его сначала муштровал отставной лейтенант княжеской роты, а после — училище юнкеров.

А Ланса воспитывал магистр ковена, еще пятилетним малышом выкупив у многодетной семьи. Одаренные дети встречались нечасто, поэтому родителям платили за них хорошие отказные. Впрочем, юные маги никогда об этом не жалели. Дома наставников были удобными и просторными,

а сами они — добрыми и заботливыми. Да и не было времени о чем-либо жалеть, когда мир вдруг открывался с такой интересной и разнообразной стороны.

Осмотр комнаты дал чуть больше, но Ланс еще по пути туда сделал знак, что ему все понятно. И Гард ему поверил, он и сам давно пришел к твердому мнению, что аптекарка сбежала, очень ловко обведя всех вокруг пальца. И все же довел процедуру осмотра и опроса свидетелей до конца, желая преподать наглядный урок обленившимся подчиненным.

И к тому же нужно же было куда-то потратить три свободных часа?

Поэтому он с огромным облегчением вздохнул, когда погонщик наконец объявил, что птицы готовы к перелету. Вскоре, удобно вытянув ноги в люльке крылета, Тровенг с напарником летели по направлению к Холмору. Мысли о том, что Дилли там долго не пробудет, они старательно отгоняли, предпочитая пока решать более простые вопросы.

— Как думаешь, почему она ему просто не отказала?

— Да как и ты, — лукаво хмыкнул Ланс. — Сейчас аптекарка считается пропавшей, и ей сочувствует весь город. Да и самоуважение того толстячка ни капли не пострадало. А если бы она отказала...

Маг насмешливо фыркнул и смолк, но Гард и сам все знал и считал точно так же. Не важно, что колбасник на двадцать лет старше девицы, если ей на самом деле двадцать восемь, как записано у ее домохозяйки, госпожи Лоты. И ничего не значит, что он ниже ее на полголовы, толст и коренаст, как бочонок. Не имеет также никакого значения, что он пропах чесноком и специями.

Вообще ничто не существенно, кроме одного: по меркам городка, колбасник довольно богат, у него большой дом и три лавки. Потому он и считается завидным женихом. И если станет известно, что ему решила отказаться какая-то обнаглевшая полунищия аптекарка, ее немедленно дружно осудят все остальные незамужние девицы и дамы.

За высокомерие, гордыню, спесь и просто невероятную, по их мнению, глупость. Но в первую очередь конечно же за то, что сами они никогда не смогли бы себе этого позволить.

Ну а вслед за старыми девами привередницу осудят степенные матроны и мужчины. Да какое право имеют серые нищие мышки перебирать женихов, тем более завидных?! Можно подумать, у нее приданое в сундуках не умещается или очередь воздыхателей у порога стоит! Если обратил внимание порядочный и состоятельный мужчина — беги с ним в храм, будь счастлива и всю жизнь благодарна, а не показывай дурных примеров юным бунтаркам.

Чуть позже поползут и сплетни, и шепотки, и едкие насмешки. И строптивой старой деве придется вытерпеть назойливое внимание всех слоев населения, от добрых старых леди до вздорных торговок. Выслушать не один десяток душеспасительных бесед, сотни назойливых советов, лживых сочувствий и неприкрытых издевок. Вскоре это превратится в любимое развлечение скучающих кумушек маленьких городков, а постепенно и в откровенную травлю. Вот тогда аптекарке можно будет забыть обо всяком уважении, и никто больше не будет просить у нее рекомендаций. А как следствие — от лавки не станет никакой выгоды. Дилли ведь далеко не единственная, кто торгует в городке пилюлями и мазями, и неплохо зарабатывала до этого только благодаря хорошей репутации.

Двадцать первое сеноставня

Уездный город Холмор

Гард

Крылет опустился на крышу монументального старинного здания казарм городской стражи часа за три до заката, и Ланс почти бегом ринулся вниз, где его уже должен был ожидать коллега из ковена.

А Гард, прибывший сюда без личины, неторопливо двинулся к встречавшим знатым горожанам и подчиненным, заранее думая, как бы избежать непременно торжественно-

го застолья и просто спокойно поесть горячей рыбной похлебки, какой славился этот городок. Но в этот раз ему неожиданно повезло.

Неподалеку от сияющей улыбками толпы стоял, независимо усмехаясь, худощавый жилистый мужчина средних лет с жесткими глазами прокурора. Или бывалого дознавателя по особым случаям. Незаметно кивнув ему, Гард на минуту повернулся к градоначальнику и его помощникам.

— Благодарю за встречу, господа. Но мы тут неофициально, всего лишь проездом на несколько часов. И я давно обещал встречу старому сослуживцу. Хочется вспомнить молодость, так сказать... Прошу извинить.

Он отлично понимал, что этим заявлением поднял авторитет Джерта на небывалую высоту, но ни секунды не сомневался в правильности своего поступка. Если бы Джерт этого не желал, никогда не пришел бы сюда лично, а просто прислал посыльного или письмо. Почтовая пирамидка ему полагалась по должности.

Еще раз скупно улыбнувшись раздосадованным лордам, Гард решительно отвернулся и направился к ожидавшему его бывшему дознавателю. Крепко обнялся с другом, похлопав по налитым сталью плечам, и, повинувшись взгляду, пошел следом к выходу.

Во дворе Джерта ждал парнишка, державший поводья оседланных дромадеров, и начальник тайного сыска изумленно фыркнул.

Как-то отвык он от этих вредных животных.

— Тут недалеко, — понял его удивление Джерт и усмехнулся: — Я все время на них езжу, не хочу радовать народ сменой вкуса.

Гард беспрекословно уселся на дромадера, тот нехотя поднялся на ноги и под любопытными взорами всех несостоявшихся сотрапезников вывез столичного гостя на улицу. Ехать и в самом деле было недалеко, всего через десять минут перед ними распахнулись глухие ворота городской тюрьмы, где Джертис Мазголд уже второй год служил начальником.

— Я не стал брать городской дом, — пояснил Джерт, спрыгивая на высокое крыльцо донжона. — Замучают посетители с просьбами и взятками. Потеснил немного писарей и кладовщика и занял верхнюю часть башни.

— Джерт, если нужно, просто кивни, и тебе выделяют деньги на пристройку, — поднимаясь по узкой каменной лестнице, осторожно предложил Гард. — Ты ведь не один живешь?

— С Надией, — в глазах тюремщика словно светлый лучик мелькнул. — Она сегодня твой любимый суп варит. А пристройка — неплохое, конечно, дело, но не для меня. Но об этом позже, сначала умойся, выпей с дороги стакан кваса и поешь. А я расскажу, что узнал по твоей просьбе. Хотя времени маловато и ребята еще копают, но пару странностей мы все же нашли.

Гард только кивнул — все правильно, поговорить они еще успеют. И пока умывался в небольшой, по-солдатски неприятельной ванной комнате с простой медной ванной, думал о том, как сделать удобнее жизнь старого друга. И отчасти наставника.

Сам он, попав по воле князя на службу в тайный сыск, вскоре стал лучшим из молодых наблюдателей, но оставался в то время совершенно неопытным дознавателем. А Джерт и Надия уже два года были напарниками и вели между собой борьбу за негласное лидерство. И неизвестно, чем бы она закончилась, если бы Гарду не вздумалось пофлиртовать с миловидной сотрудницей. Джерт ответил вспышкой такой яростной и неожиданной для всех ревности, что юному стажеру пришлось удирать от его гнева через окно, а Надие — прикрывать парнишку своим телом.

С тех пор они вместе, хотя Надия лишь через три года решилась пойти с любимым в храм. Но на то у нее были свои веские причины.

Гард набросил приготовленную для него свежую рубашку, пахнущую солнцем и тагетисом, и поспешил спрятать тоскливый вздох. Ему самому никто не сушит рубахи на жарком солнце, чтобы долго хранили аромат свежести, и не пересы-

пает их лепестками цветов. Несмотря на положение и состоятельность.

— Как думаешь, он не уснул случайно в нашей ванной? — нарочито громко и язвительно осведомилась под дверью хозяйка, и гость, усмехнувшись, распахнул дверь:

— Здравствуй, Надия.

— И ты... — она внимательно изучала его лицо, — здоровым будь. Да иди уже есть уху, пока не остыла. Подогреть ее нельзя, если ты не знаешь.

— Теперь знаю! — засмеялся он с неожиданной легкостью.

Она была все такой же крепенькой, жизнерадостной и невыразимо уютной. А еще — пронизательной и неподкупной, и вот этого никто не заподозрил бы, глядя на ее округлое, милостливое лицо с глазами лани.

Суп оказался именно таким, о каком мечталось, а еще к нему был рыбный пирог и совсем чуточку хмельной квас. И все это: простая еда, возможность не проверять на яд каждый кусок и глоток и не напрягаться, когда кто-то проходит за спиной, — привело Гарда в давно забытое благодушное настроение.

Он с удовольствием остался бы тут на пару дней: ездил на дромадерах на рыбалку, жарил на костре рыбу и купался в светлой воде Ильхона. И забыл бы про всяких ведуний, все равно интуиция подсказывает, что никакой пользы от них не дождешься.

— Поел? — вырвал из нирваны насмешливый вопрос Джерта. — Тогда слушай. Странность первая. В тот день, восемнадцатого числа, в гостиницах и на постоялых дворах города никакая Дилли не останавливалась. Зато в одной из лучших гостиниц ночевала Танна, женщина лет сорока пяти, с баулом и саквожем. Одетая была как обедневшая леди, в накидку из чесучи и шляпку с вуалью. Рано утром женщина ушла на стоянку извозчиков, но там ее никто не видел. След потерялся, хотя мы на всякий случай проверили все отправлявшиеся в тот день барки и дилижансы. И как раз сегодня обнаружилась вторая странность. Вернулся дилижанс из

Мшарья. Так вот, среди пассажиров, которые уехали туда рано утром восемнадцатого, была очень похожая по описанию женщина, они хорошо запомнили, так как пассажиров было всего восемь, а ехать, как ты знаешь, более суток. Но звали ее Лиана, они составляют списки.

— Она сейчас в Мшарье? — резко поднялся из-за стола Гард, досадуя на самого себя. Почти час потерял...

— Сиди, там ее уже нет. Она выехала обратно с тем же дилижансом, как только извозчики поели и сменили лошадей. Но в Холмор не вернулась. Еще вчера утром сошла в Огеле. Там начальником стражи мой хороший знакомый, я уже послал ему письмо и людей. Но ты же знаешь, что оттуда можно выехать в шести направлениях, и она явно не сидит на месте.

— Это не важно, — мотнул головой Гард. — Мы сейчас же летим туда. У вас ведь есть своя упряжка кархов? Я забираю на обмен. Спасибо, Джерт! Ты очень помог.

— И мы даже не узнаем... — пробормотала Надия и смолкла, не желая вслух напоминать о священном правиле сыскарей.

Помогать друг другу чем можешь, но платить за это сведениями, которые могут пригодиться по службе.

— Узнаете, — не стал отказываться Гард. — Обязательно. Но это долгий рассказ. Пока скажите, чем могу помочь прямо сейчас? И не скромничайте.

— Кухня нужна новая, — оглянувшись на мужа, решительно объявила Надия. — Старая расположена очень неудачно и занимает много места. А вода далеко, и дрова тоже. Да и жарко там летом.

— Нанимайте мастеров и выгоняйте на работу всяких ворюшек, вернись домой — подпишу указ. На первое время вот деньги... — Гард торопливо написал распоряжение городскому главе и почти бегом ринулся вниз.

— Лучше бы хоть намекнул, что такого она сделала, — буркнула вслед Надия, зная, что он услышит.

— Ничего! — донеслось снизу.